

Инна Истра

ОГНЯННЫЙ

18+

Инна Истра Огнянный

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70251622
SelfPub; 2024*

Аннотация

Отправляясь отдохнуть на лесную турбазу, девушки и представить не могли, с чем им придется там столкнуться.

Инна Истра

Огнянный

Сейчас по прошествии нескольких лет я могу спокойно вспоминать события того злосчастливого лета. Мне не снятся по ночам кошмары, не гложет чувство вины, не мерещится в толпе прохожих лицо Ларисы.

В начале июня 2000 года я и моя подруга Татьяна оказались в тяжелом морально-психологическом и материальном положении. Проще говоря, потерпели жизненное фиаско и финансовый крах. А если еще проще, то меня уволили с работы, а Татьяна переживала мучительный затянувшийся развод.

Если судить по книгам и кинофильмам, то на Западе в минуты моральных терзаний и душевных неурядиц все идут к психоаналитику и грузят его своими фобиями, проблемами и комплексами. У нас, в российской глубинке, роль психолога выполняют друг или подруга, в качестве приемного кабинета используется кухня, а вспомогательные средства и методические материалы заменяет бутылочка спиртного. Что главное для человека, пришедшего к психоаналитику? Выговориться. Вот и мы с Татьяной за бутылочкой «Шардоне» стали спасать друг друга. Мы говорили по очереди, согласенно кивая, но почти не слушая друг друга. Результатом наше-

го взаимного «психоанализа» стало решение уехать куда-нибудь ото всех на пару недель, сменить обстановку и прийти в себя.

Финансы не позволяли нам ни поездку в Турцию, ни Черноморское побережье, ни более-менее приличный дом отдыха в родной средней полосе. Поездка на дачу с родителями и Татьяниним сыном отвергалась категорически.

На помощь пришел Его Величество Случай. Я пожаловалась одному приятелю на свои проблемы, а он рассказал мне про турбазу «Озерная» и дал телефон директрисы – своей родной тетушки. Я позвонила, поговорила с Лидией Вячеславовной, узнала цену путевки и поняла, что раздумывать нечего – надо ехать.

Когда-то турбаза «Озерная» принадлежала крупному заводу «Красный пролетарий» и считалась одним из лучших мест отдыха трудящихся во всей области. В годы перестройки «Красный пролетарий», как и многие другие предприятия страны, пришел в упадок, балансировал на грани банкротства, и содержание турбазы стало для него непосильным бременем. «Озерная» была продана. Потом перепродана. Потом перепродана еще и еще раз. Шли годы. На бумаге совершались сделки, ставились подписи и печати, менялись собственники, а домики в лесу постепенно разрушались, водопровод ржавел, территория зарастала травой и кустарником. Наконец несчастная турбаза была куплена местным олигархом. Он хотел сделать здесь элитную базу отды-

ха для себя и своих друзей, да, как на грех, им вплотную заинтересовались налоговые и правоохранительные органы. Грандиозный проект был отложен на неопределенный срок, на турбазе провели минимальный ремонт и стали продавать путевки по смехотворно низким ценам.

Так, погнавшись за дешевизной, мы с подругой оказались на турбазе «Озерная». Все здесь осталось как в семидесятых-восемидесятых годах: удобства, сервис, обслуживающий персонал. Даже директриса была как персонаж киножурнала «Фитиль».

Полная, громогласная пятидесятилетняя женщина с невообразимым начесом из пережженных белых волос встретила нас неприветливо и грубо. Лишь только после того, как я сказала, что мы от ее любимого племянника Игорька, она расплылась в приторной улыбке и стала разговаривать с нами медовым голосом.

– Милые мои, прямо не знаю, где вас поселить, – пела она и листала замусоленную общую тетрадь с надписью: «Журнал учета отдыхающих». – Вот третий коттедж хороший, но там семья с маленьким ребенком живет... В девятом свободные комнаты есть, но там крыша подтекает... А, вот, тринадцатый! Четыре одноместки, одна, правда, занята. Там девушка живет, так что нормально. Три остальные свободны, выберите любые.

Из нижнего ящика стола Лидия Вячеславовна достала несколько ключей и протянула мне.

– Оставшийся ключ принесете и получите белье у кастелянши. Пойдемте, покажу куда идти. В коттедже (маленькие двухэтажные домишки она упорно называла коттеджами) есть холодильник и плита, можете готовить, если в столовой не наедитесь. Убирать будете сами. Веник, ведро, тряпка – все там найдете.

На турбазе было только одно большое здание, на первом этаже которого размещалась администрация, библиотека и бельевой склад, а на втором находилась столовая. От небольшой площадки перед главным входом во все стороны асфальтовыми змейками убегали, петляя между деревьями, узенькие дорожки.

– Идите вот сюда, – указала директриса, – дойдете до конца и увидите красный кирпичный коттедж.

Мы поблагодарили ее, и потащились со своими сумками по указанной дорожке. Домик мы нашли сразу. Он был небольшой, но относительно новый и уютный: две комнаты на втором этаже, две комнаты, кухонька и веранда на первом.

– Я что-то не пойму, – сказала Татьяна после осмотра жилища, – а где, простите, туалет?

Оказалось, что тут нас ждала очередная засада. Туалет типа «сортир» находился на улице, на расстоянии двадцати метров от домика в зарослях огромной полыни-чернобыльника. Умывальник мы нашли с другой стороны дома, он представлял собой трубу с краном и жестяное корыто под навесом.

– Куда ты меня привезла? – голос Татьяны не предвещал ничего хорошего.

– Прости, но для меня это тоже неожиданность, – ответила я.

– Я тебе этого санатория с сортиром на улице никогда не забуду, – пообещала подруга.

– Вспомнишь пионерское детство, – парировала я.

– Я в пионерлагери не ездила, я у бабушки в деревне жила.

– Ой, можно подумать у нее там был мраморный туалет!

Татьяна рассмеялась.

– У нее был хуже!

Упомянутая директрисой девушка занимала комнату на втором этаже. Мы расположились на первом, поскольку никому не хотелось лазить по узкой, ужасно скрипучей лесенке. Всю первую половину дня мы провели в беготне и хлопотах: искали по всей турбазе кастеляншу, мыли полы в комнатах, пытались выбить подушки и вытрясти одеяла.

Свою соседку мы в этот день так и не увидели. Поздно вечером, уже засыпая, я услышала, как открылась входная дверь, заскрипела лесенка, раздались над моей головой легкие шаги.

– В этом доме нет звукоизоляции, есть только звукопроводимость, – подумала я и крепко уснула.

На следующий день, возвращаясь с завтрака, мы с Татьяной увидели худенькую, невысокую девушку на крылечке на-

шего домика. Она пыталась закрыть входную дверь на ключ, но замок заело.

– Не закрывайте! – крикнула я.

Девушка резко обернулась.

– День добрый. Мы ваши соседи. Я – Ирина, а это Татьяна.

– Меня зовут Лариса, – ответила девушка, сбежала по ступенькам и быстрым шагом отправилась в столовую.

– Очень милая и любезная дамочка, – заметила Татьяна.

– Между прочим, у нее глаза заплаканы.

– Значит не только у нас неприятности.

– Все-таки профессия врача делает людей циничными и бесчувственными.

– Очень даже может быть, – согласилась подруга.

Мы не спеша переоделись и отправились на озеро. До самого обеда мы грелись на солнышке и купались в чистой прохладной воде.

На турбазе «Озерная» технические достижения человечества почти полностью отсутствовали. Из всех признаков цивилизации мы нашли только стационарный телефон в кабинете директрисы и радиоточку у столовой. Даже мобильная связь на территории турбазы не работала. Чтобы позвонить домой, мы уходили от «Озерной» почти на полкилометра в сторону близлежащей деревни.

Потекла тихая размеренная жизнь. Целыми днями мы загорали, купались в лесном озере, собирали грибы, спали и

пили кофе на веранде.

На третий день нашего отдыха мы познакомились с молодой супружеской парой из Москвы Викой и Олегом, живущими в соседнем домике. Ребята стали жертвой коварного маркетинга и недобросовестных сотрудников турбюро. Будучи, как и мы, стесненными в средствах, они решили отметить годовщину брака, уехав на недельку в какой-нибудь дом отдыха. В турбюро им предложили эту базу, наобещав комфортабельные коттеджи, большую культурную программу по вечерам, серфинг на озере и водные лыжи. Шок, который они испытали, приехав в «Озерную» и увидев домики с умывальником на улице вместо обещанных коттеджей с удобствами, не поддается описанию. В первый момент они хотели уехать и устроить скандал в турбюро, но мы их отговорили. Даже если вам удастся вернуть деньги, говорили мы, вы все равно останетесь без отдыха и с испорченным настроением. А тут все же прекрасная природа, озеро, лес, грибы-ягоды и отличная погода.

Вика с Олегом согласились и остались. Они оказались веселыми и заводными. А Олег превратился в кошмар для Лидии Вячеславовны. Желая выжать из отдыха все возможное, он приставал к ней с просьбами, вопросами, предложениями и требованиями. Директриса готова была на все, лишь бы он от нее отстал, беспрекословно давала спортивный инвентарь, открывала библиотеку и даже отдала ему ключи от лодочного сарая, что позволило нам кататься по озеру на весельной

лодке с гордым названием «Русалка». По вечерам мы вчетвером пили джин-тоник или сухое вино и играли на веранде в подкидного дурака, лото и детские настольные игры, принесенные неугодным Олегом из библиотеки. С соседкой Ларисой мы почти не общались. Она проскальзывала мимо нас быстрой тенью, здоровалась, не поднимая глаз. Несколько раз мы звали ее к нам на веранду, выпить кофе, джин-тоника, сыграть в карты, но она неизменно отказывалась. Потом мы и предлагать перестали.

Однажды, гуляя по лесу, я нашла чудную полянку, всю усыпанную лисичками. Я ползала на коленях по мягкому зеленому мху и собирала упругие рыжие грибочки. Вдруг мне показалось, что кто-то плачет. Я прислушалась и огляделась. Из-за кустов явно доносились всхлипывания.

– Может, ребенок какой потерялся? – мелькнула мысль.

Обойдя заросли малины, я увидела Ларису, которая стояла, прислонившись к сосне, и горько плакала. Увидев меня, с растерянным видом замершую у малинника, она быстро ушла.

Вечером возле столовой мы с Татьяной встретили директрису.

– Ну, девочки, как вам отдыхается? – липким медовым голосом спросила она.

– Хорошо, – ответила я.

– Вот только туалеты плохие, – добавила Татьяна.

– Это я в курсе, – вздохнула директриса. – На следующий год мы будем все перестраивать. В каждом коттедже будет душ и туалет.

– Лидия Вячеславовна, а наша соседка, Лариса, давно тут отдыхает? – спросила я.

– С начала июня. У нее путевка до середины августа. А почему вы спрашиваете?

– Да она совсем не загорела, на пляже мы ее ни разу не видели, плачет то и дело.

– У нее такое горе, – покачала головой директриса. – Прошлой осенью она вышла замуж, а через пару месяцев, прямо под Новый Год, муж разбился в аварии. Вот она с тех пор никак в себя не придет.

– Тогда понятно, – кивнула я.

– Мы с ее матерью когда-то работали вместе, – разоткровенничалась Лидия Вячеславовна, – вот она и попросила у меня путевку для Ларисы, может, отдохнет тут немного, развеется. Вы еще не ужинали? – спохватилась она. – Идите скорее, а то столовая закрывается скоро.

Мы поспешили на ужин. В столовой, глядя на сидящую за столиком в углу Ларису, Татьяна вдруг сказала:

– Знаешь, а это нехорошо, что она до сих пор в таком состоянии.

– А что же ей, веселиться, что ли?

– Прошло полгода. У нее депрессия не уменьшается, так

и крыша может съехать. Ей нужен хороший психолог.

– Ты думаешь?

– Да. Она молодая, симпатичная девушка. Должна уже начать приходить в себя.

– Какие же вы, медики, циники.

– А что делать? Профессия обязывает, – вздохнула подруга.

Свежий сосновый воздух, длительные прогулки по лесным дорожкам, ежедневные заплывы через озеро привели к тому, что я стала засыпать, едва опускала голову на подушку. Мучавшая меня в городе бессонница исчезла, как ни бывало. Но в тот вечер я решила немного почитать перед сном. Легкий дамский детективчик увлек меня неожиданным поворотом сюжета, и когда я закрыла книжку, на часах было около полуночи. Выключив свет и уютно свернувшись калачиком, я собралась спать.

Открылась входная дверь, и кто-то вошел в дом, громко заскрипела лестница. Над моей головой слышались легкие шаги.

– Этот дом сделан из папье-маше, – подумала я. – Однако поздновато Лариса гуляет, и не страшно ей, и комары не едят.

Я уже начала засыпать, как наверху снова начали ходить, причем звуки были такие, как будто кто-то ходил в туфлях на каблуках.

– Да что же ей не спится? Уже второй час, – сердито по-

думала я.

Наверху раздалась тихие голоса. Мужской и женский. Сон с меня слетел окончательно. Двое еще немного поговорили, походили по комнате, а потом заскрипела кровать. Заскрипела вполне определенным образом. Я не ханжа, но лежать ночью в одиночестве и слушать, как кто-то над твоей головой занимается любовью – это уже слишком.

– Вот тебе и депрессия! Ошиблись вы, мадам дохтур! – бухтела я, ворочаясь с боку на бок.

Скрипы кровати и женские стоны мне пришлось слушать около часа. В конце концов любовнички наверху угомонились, и я уснула.

– Вот она, наша скорбящая вдова! – рассказывала я Татьяне на следующее утро.

– А у тебя на почве зависти развилась бессонница, – ехидничала подруга.

– Не на почве зависти, а на почве посторонних звуков! – возразила я.

Татьяна тихо посмеивалась.

– Знаешь, а я же не слышала, как он вошел. Ее шаги на лестнице слышала, а его – нет.

– Он взлетел по лестнице, или забрался в окно по веревочной лестнице, или сидел в засаде с самого обеда, – выдавала подруга кучу версий.

Наверху скрипнула дверь. Мы замолчали. Мимо нас про-

шла Лариса с красными заплаканными глазами.

– Она непохожа на женщину после бурной ночи любви, – заметила Татьяна. – Может, тебе все приснилось?

Я только плечами пожала.

На следующий день Олег предложил устроить шашлыки на берегу озера. Идея была встречена с восторгом. В соседней деревне в малюсеньком магазинчике с гордой надписью «Универсам», мы купили мясо и сухое вино, а лук, молодой чеснок, зелень и малосольные огурчики продавщица продала нам в частном порядке. После обеда, когда мы с девчонками на веранде мариновали мясо, а Олег пошел к озеру подготовить костровище и дрова, я увидела Ларису, идущую по дорожке к дому, и неожиданно для самой себя предложила:

– А давайте ее с нами позовем на шашлыки.

– Она не пойдет, – сказала Татьяна.

– А вдруг?

– Ну попробуй, – сказала Вика. – Может, она согласится.

Я вытерла руки и подошла к вошедшей в дом Ларисе.

– Лариса, у нас есть к вам дело, – начала я.

– Какое? – насторожилась она.

– Сегодня вечером, часов в восемь, мы собираемся на озере жарить шашлыки. Предлагаем вам присоединиться к нашей компании.

– Спасибо, но я не могу.

– Почему? – к нам подошла Вика. – Посидим у костра,

попьем вина. Или вы чем-то заняты?

– Да нет, я не занята, – Лариса замялась, но потом решительно сказала, – я вам, честное слово, очень признательна за то, что вы пригласили меня сейчас и постоянно зовете в вашу компанию, но прошу больше так не делать.

– Мы вам неприятны? – удивилась Вика.

– Нет, – Лариса посмотрела на меня, и я увидела в ее взгляде боль и тоску. Ее измученное лицо, темные круги под глазами выдавали смертельно уставшего человека. Все это никак не вязалось с ночными звуками у меня над головой.

– Нет, – повторила Лариса, – я не могу и не хочу веселиться с вами не потому, что вы мне неприятны. Полгода назад у меня погиб муж, и мне не до шашлыков и игры в дурака.

– Смерть мужа – это большое горе, – сказала я, – но нельзя хоронить себя заживо. Он умер, но вы-то живы.

– Я не хочу жить.

– Так нельзя говорить, – ужаснулась Вика, – вы молодая и симпатичная девушка, у вас вся жизнь впереди.

– Да что вы понимаете! – вдруг закричала на нас Лариса. – Я была с ним всегда, всю жизнь! С детского сада, со школьной парты! Все время вместе! Мы даже поступили в один институт, учились в одной группе! Только из-за уговоров родителей мы отложили свадьбу до конца учебы, хотя хотели расписаться еще на первом курсе. После свадьбы прошло всего два месяца и его не стало! Я не хочу жить без него! Я не могу жить без него!

Слезы текли по ее перекошенному лицу, голос срывался на визгливый крик.

– Так нельзя, – пробормотала совершенно ошарашенная Вика, – так...

– Да идите вы все к черту! – крикнула Лариса, оттолкнула Вику и пробежала мимо нас к лестнице.

Мы с Викторией вернулись к Татьяне. Она сидела нахмурившись. Я молча развела руками.

– Ей нужно к хорошему психологу или даже к психиатру, – сказала Татьяна, – иначе крышу снесет совсем.

– Ты знаешь кого-нибудь? – спросила я.

– Знаю, Синельников, например. Но что толку? Как ты заставишь ее пойти к нему?

– Не знаю.

– Может, из близких кто уговорит, мать, например, – предположила Вика.

– Если только, – кивнула Татьяна. – Нас она не слушает. Да еще такая проблема: Синельников врач хороший, но и берет за свои сеансы тоже хорошо. Может оказаться не по карману.

– Плохо, – вздохнула Вика.

Я промолчала. У меня в голове никак не состыковывались ночные скрипы и сегодняшняя истерика Ларисы.

Шашлыки удались. Вечер был теплый, мясо вкусное, вина вдоволь. Мы ели, пили, болтали и хохотали. Мы купались

голышом в черной, бархатной, нежной воде озера, а потом, покрываясь мурашками, разыскивали в темноте брошенную где попало одежду, путая футболки и глупо смеясь. Мы лежали на теплой, нагретой за день земле, и глядели в ночное небо, которое, в свою очередь, смотрело на нас глазами многочисленных созвездий. Я вспомнила свое детское увлечение астрономией и показывала на небе Большую и Малую Медведиц, Цефея, Кассиопею. Последняя Олегу особенно понравилась. Он то и дело дергал меня за руку и пьяно требовал показать ему «Касипею» еще раз.

Несмотря на то, что до турбазы было минут пять ходу, обратная дорога заняла у нас не менее получаса, потому что раздухарившийся Олег все время норовил куда-то свернуть, уйти, а потом за что-то обиделся на Вику и улегся на дороге, заявив, что никуда не пойдет и переночует здесь, а жене пусть будет стыдно. Мы с трудом его подняли, уговорили и довели до турбазы, но там он умудрился убежать от нас и залезть на теннисный стол под окнами нашего домика.

– Где Касипея?! – орал он, лежа на столе и тыча пальцем в небо.

Кое-как удалось его уговорить и отвести в дом. Пока мы его стаскивали со стола и пытались утихомирить, я потеряла шлепанец. Искать его в потемках у меня не было сил, и я отправилась спать, резонно полагая, что никуда моя обувь до утра не денется.

Я лежала в кровати и долго не могла уснуть. Стоило

только закрыть глаза, как передо мной начинало кружиться звездное небо, да еще наверху цокали Ларисины каблуки и характерно скрипела кровать.

Под утро у меня немилосердно скрутило живот. Накинув ветровку прямо на пижаму, я судорожно искала второй шлепанец, пока не вспомнила, что оставила его ночью где-то у стола для пинг-понга. Так и пришлось мчаться к заветному домику босой на одну ногу, так как любая задержка грозила катастрофой. Потом, уже стоя около умывальника и пытаюсь открутить тугой кран, я поразилась тишине, окутавшей турбазу. Все замерло и притаилось в сером предрассветном сумраке и ждало восхода солнца. Струя воды, хлынувшая из крана в жестяной желоб, загрохотала так, что я испугалась, что разбуду всех отдыхающих. Быстренько помыв руки, я отправилась искать потерянный ночью шлепанец. Мой тапочек одиноко лежал в густой мокрой траве под теннисным столом. Присев на корточки, я попыталась его достать, и это почти удалось, но я слишком сильно потянулась вперед, нога заскользила по влажной земле, и, не удержавшись, я плюхнулась на четвереньки.

Достав злополучный шлепанец, я уже собиралась встать, как в утренней тишине громко заскрипело открываемое кем-то окно. Я так и замерла под столом. Меньше всего хотелось, чтобы кто-то увидел сейчас меня в этом дурацком положении. Я осталась стоять на коленях, только чуть высунулась

из-за стола, желая знать, кому же не спится в это время.

В открытом окне Ларисиной комнаты стоял обнаженный по пояс мужчина. И какой мужчина! Я тихо охнула и наклонилась пониже, чтобы он меня не заметил, но сама подглядывала за ним из зарослей травы. Это был эталонный образец мужской красоты: атлетическое телосложение – бицепсы-трицепсы, кубики на животе, иссиня-черные волнистые волосы до плеч, карие глаза, мужественные черты лица. Он напоминал Демона Врубеля, только врубелевский Демон грустен и печален, а этот красавец был весьма доволен и собой, и жизнью. Лишь высокомерное и презрительное выражение лица несколько портило его впечатляющий облик.

За спиной красавца показалась Лариса. Она приобняла его и прижалась щекой к могучему плечу, прикрыв глаза. Но брюнет резко дернул рукой, а потом, не оборачиваясь, сильно толкнул Ларису так, что она отлетела в глубь комнаты и, наверное, упала. А он остался стоять, как ни в чем ни бывало, и смотреть на восток, где за лесом вот-вот должно было встать солнце. Вдруг Ларисин ухажер легко, одним прыжком вскочил на подоконник. Я окаменела.

Да и было от чего. Брюнет стоял на краю подоконника, выпрямившись во весь рост, чуть наклонившись вперед и придерживаясь одной рукой за раму. Каждый мускул точеного упругого тела напряжен, шея вытянута, взгляд устремлен в небеса. Обнажен он был вовсе не по пояс, как мне подумалось вначале, а полностью. Но ни мужская нагота, ни внуши-

тельный размер детородного органа не смогли бы ввести меня в ступор, а вот волосатые козлиные ноги, заканчивающиеся блестящими раздвоенными копытами – смогли. И еще у этого существа был длинный хвост с кисточкой на конце.

А затем козлоногий красавец прыгнул. Подобно ныряльщику со скалы в Акапулько, он раскинул руки в стороны, сильно оттолкнулся от подоконника и полетел, словно под ним была пропасть с бушующими волнами, а не четыре-пять метров над зарослями крапивы и лебеды. Я даже вскрикнуть не успела, как раздался тихий хлопок, и тело прыгуна окуталось густым грязно-желтым дымом с отвратительным запахом. Через несколько секунд из дымного облака с легким шипением вылетел огненный шар. Рассыпая яркие искры, описывая небольшие круги, он поднялся вверх по спирали и умчался на запад. А в следующее мгновение вошло солнце.

Появилась Лариса. Она закрыла створки окна, задернула занавески. Растаял предутренний сумрак. Заблестела под первыми солнечными лучами роса, защебетали пичужки. Бесследно рассеялся в воздухе вонючий дым. А я с вытаращенными глазами и отвисшей челюстью сидела под теннисным столом в мокрой траве и судорожно прижимала к груди грязный шлепанец.

-Этого не может быть, ты все придумала, – категорично заявила мне подруга, когда я, трясаясь от возбуждения, рассказала о моем приключении.

Моему возмущению не было предела.

– Как не может! Я все видела своими глазами!

– Алкогольная интоксикация! – парировала Татьяна. – Накануне мы перебрали некачественного алкоголя, плюс у тебя пищевая инфекция, расстройство желудка. Спросонья ты...

– Поперлась не туда, поскользнулась, ударилась головой и схватила глюки, – перебила я. – Прекращай свои медицинские инсинуации! Нет у меня ни интоксикации, ни глюков. Или это какой-то оптический обман, или я не знаю что.

Подруга смотрела на меня с кривой усмешечкой. Я с детства терпеть не могла, когда она так делала.

– Завтра я тебя разбужу перед рассветом, и мы вместе пойдем смотреть вот это вот всё! – заявила я.

– Да ты не встанешь, – расхохоталась Татьяна, – ты же страшная сова!

Я наклонилась к ней и сказала зловещим шепотом:

– А ты думаешь, что я вообще смогу уснуть, когда у меня над головой бродит это существо? Теперь-то я знаю, что не Ларискины каблук там цокают, а его копыта. И вообще, сегодня я ночую у тебя.

Вечером я не удержалась и рассказала все Вике и Олегу. Вика настороженно смотрела на меня и молчала, а Олег пришел в полный восторг. Он тут же помчался на «место дислокации», подготавливать «точки засады», потом долго прикидывал, во сколько начинается рассвет, потом требовал сверить часы и достал нас троих до печенок.

Мы сидели в засаде сонные и замерзшие. Я и Татьяна приютились за теннисным столом, а Вика с Олегом прятались за крыльцом соседнего домика. Меня колотил нервный озноб, Татьяна что-то недовольно бурчала за моей спиной, Вика сидела съежившаяся и настороженная, а Олег дремал, прислонившись к стене.

– Если через пятнадцать минут ничего не начнется, то я пойду спать, – заявила Татьяна.

И тут открылось окно. Все произошло точь-в-точь как вчера, за одним небольшим исключением – вылетев из вонючего дымного облака, огненный шар, прежде чем подняться в небо, с легким шипением низко пролетел над моей головой, осыпав горстью ярких искр, и лишь потом скрылся в западном направлении.

Мы сидели на веранде у Вики с Олегом и пили горячий кофе. Нас, девчонок, трясло, Олег сохранял спокойствие, но мне кажется, что ему было тоже не по себе.

– Ну и что это могло быть? – спросила я.

– У меня есть одно предположение, но оно слишком неправдоподобное, – тихо сказала Вика.

– Сама ситуация неправдоподобная, так что смело выкладывай, – ответила я.

– Когда я училась в школе, – начала Вика, – на лето меня отправляли к бабушке в деревню. И вот однажды у бабушки-

ной соседки Нюры погиб муж. Молодой мужик, лет тридцати, не больше. На похоронах Нюра кричала благим матом, от гроба ее буквально отрывали, а когда закопали могилу, она упала на земляной холм и не хотела вставать. Два мужика с трудом ее подняли и чуть ли не на руках отнесли в дом. Поминки и все остальное организовывали родственники и соседи, Нюра была невменяема. Через четыре дня после похорон к бабушке пришла Нюрина мать, вся в слезах. Оказывается, наша соседка не вставала все эти дни, не ела, ни с кем не разговаривала. На детей – ноль внимания, на птицу-скотину тем более. Женщина уже и не знала, что с дочерью делать. Моя бабуля была очень энергичная женщина. Она собрала соседок, и они пошли по ее выражению «Нюрке мозги вправлять». Я втихушку за ними увязалась.

Пришли мы к Нюре в дом. Она лежит на кровати неподвижная, осунувшаяся, и только слезы по щекам текут. Женщины начали с ней говорить, увещевать, она не реагирует. Они кричать на нее стали – ноль эмоций. Бабы сами себя завели, орут на Нюрку, и тут кто-то из них крикнул, мол, ты чего добиваешься, хочешь, чтобы Огнянный к тебе пришел и засушил тебя насмерть? Тут Нюрка как завоет в голос. Ее младший ребенок испугался и разревелся. Бабы опомнились, и меня с Нюркиными детьми выставили за дверь. И там такие вопли поднялись! Такой мат-перемат!

– Помогло? – поинтересовалась я.

– Ты знаешь, помогло, – ответила подруга. – Во всяком

случае, она хоть и ходила как тень, но детьми начала заниматься, и потихоньку, со временем пришла в себя. А я потом у бабушки спросила про Огнянного, кто это такой. Она ответила, что это такой черт, который прилетает к вдовам, если они очень о муже тоскуют, и губит их.

– Ты думаешь, что это он?

– Не знаю.

Мы вдвоем с Олегом поехали в Спасск и просидели в интернет-кафе около трех часов, рыская по сети в поисках Огнянного. Наше упорство было вознаграждено. Я сделала распечатку, мы перекусили в местной кафешке и, купив семечки и упаковку мака для выпечки, отправились назад на турбазу.

– Вот, смотрите, – тараторила я, мешая Татьяне с Викой читать распечатку, – Огнянный, он же Летун, он же Огненный Змей, он же Змей-любак, он же Литавец. Является он, принимая облик покойного, к женщинам, которые после смерти мужа сильно тоскуют.

– Связь с таким демоном приводит женщину к смерти, – прочитала Татьяна.

– Да, Лариса реально под угрозой, – сказала я, – там дальше написано, как с этим чертом бороться.

– Во-первых, надо кому-то рассказать об Огнянном, потом обсыпать маком дом, потом сесть на пороге и начать расчесывать волосы, – читала Вика. – Одновременно с этим нужно грызть семечки или есть конопляное семя. Когда при-

дет нечистый, то он спросит: «Что ты делаешь?» – «Косу чешу.» – «А что ешь?» – «Вшей». Тогда он улетит и больше не вернется.

– Мак и семечки я купила.

– Ты хочешь убедить Ларису это проделать? – недоверчиво спросила Татьяна.

– Тань, ты посмотри на нее. У нее же вид как у тяжелобольной. Мы должны попытаться ей помочь.

– Ну хорошо, давай попробуем.

– Принимая облик покойного, – вдруг повторила Вика. – Это у Ларисы такой был красавец муж?

Олег недовольно кашлянул.

– Да я так, – спохватилась Вика и вздохнула.

Мы с Татьяной подкараулили Ларису после ужина, подошли к ней.

– Лариса, нам надо с вами поговорить, – сказала я.

Она недоуменно глянула на меня и пожала плечами.

– Ну, давайте поговорим.

– Мы знаем, кто к вам ходит по ночам, – брякнула я.

– А ваше-то какое дело?

– Наше дело было бы сторона, если бы к вам ходил человек, – вступила в разговор Татьяна.

–Что?

– Мы знаем, что к вам ходит мужчина. Но это не человек, это демон или черт, называйте как угодно. – Он может вас

погубить, – сказала я.

– Но мы хотим вам помочь, – добавила Татьяна.

– Вот что мы нашли о нем, – я протянула Ларисе распечатку. – Здесь он сам описан, и как с ним бороться. Это несложно. Главное, вы должны сами рассказать о нем, нельзя это таить в себе. Только тогда мы сможем помочь вам прогнать Огнянного, и он больше никогда не вернется.

Бледное лицо Ларисы после моих слов стало совсем белое. Как лист бумаги, который я ей протягивала. Девушка посмотрела на меня ненавидящим, испепеляющим взглядом.

– Я вам ничего не должна рассказывать, – зло сказала она. – Оставьте меня в покое и не приставайте со своими глупостями.

Лариса развернулась и ушла. Мы молча смотрели ей вслед.

– Ничего не получилось, – констатировала Татьяна.

– Еще не вечер, – не сдавалась я.

Эту ночь я провела в комнате у Татьяны, оставаться у себя мне было жутко. Я почти не спала, ворочалась, прислушивалась. В конце концов Татьяна пригрозила, что следующую ночь я проведу на крыльце. По-настоящему я заснула, только когда рассвело, и Огнянный улетел.

Утром, дождавшись, когда Лариса уйдет на завтрак, я подсунула распечатку в щель под дверью ее комнаты, а на столе на веранде положила пакетики с маком и семечками. Вернувшись из столовой, мы с Татьяной обнаружили на столе

кучку из мака, семечек и обрывков бумаги – Лариса в клочки разорвала описание Огняного. В доме оставаться мы не стали и ушли на озеро, где нас уже ждали Вика и Олег.

– А мы Ларису видели, когда на пляж шли, – сказал Олег. – Она с сумкой шла на автобус, уезжала похоже.

Я побежала разыскивать Лидию Вячеславовну.

– Да, Лариса уехала, – подтвердила директриса. – Внезапно так собралась и ничего объяснять не стала. И даже деньги за оставшиеся дни не стала требовать.

– У меня ее книга осталась, – соврала я. – Не успела отдать. Дайте мне ее телефон, я позвоню, когда в город вернусь.

Лидия Вячеславовна полистала свою общую тетрадку и дала мне и телефон, и адрес Ларисы.

– Приеду в город, позвоню, – сказала я Татьяне. – Причем с ней говорить не буду, попробую на ее мать подействовать.

– Попробуй. Только шансов на успех мало, – вздохнула подруга.

Через несколько дней наш отдых закончился. После леса и озера город казался шумным чудовищем, пропитанным выхлопными газами, пылью и потом. На следующий день после возвращения я, немного нервничая, набрала номер, данный директрисой. Трубку взяла Лариса, я сразу узнала ее тихий усталый голос.

– Алло. Я вас слушаю.

– Ларисочка? Здравствуй, – противным голосом пропела я, – мама дома?

– Здравствуйте, тетя Вера, сейчас позову.

Видимо, мой измененный голос был похож на голос какой-то неведомой мне тети Веры.

– Здравствуй, Вера, что звонишь? – трубку взяла мать Ларисы.

– Здравствуйте, Лариса ошиблась, я не Вера. Но мне надо с вами поговорить. О вашей дочери.

– Да вы кто?

– Я Ларисина знакомая. Ирина Рыбакова. У вашей дочери очень сильная депрессия, ей нужна помощь.

– Вы из секты? – в голосе женщины звучала неприязнь.

– Нет, что вы, какая секта! Мы отдыхали с Ларисой на турбазе. Я – врач, – соврала я.

– А что вы хотите?

– Я не хочу говорить об этом по телефону. Давайте встретимся, и я вам все объясню. Только не говорите Ларисе.

– Я не знаю, – неуверенно сказала женщина.

– Простите, как вас зовут?

– Галина Павловна.

– Галина Павловна, мы только поговорим. Я не из секты. Ларисе нужна врачебная помощь, помощь психолога.

– Ладно, – согласилась мать Ларисы. – Давайте в два часа у магазина «Сказка» на Соборной площади.

Без пятнадцати два я как штык стояла у дверей магазина.

Галина Павловна к двум часам не подошла. Я вертела головой, вглядываясь в лица всех пожилых женщин, проходящих мимо. Недалеко от магазина в тени дерева я заметила женщину, которая явно наблюдала за мной. Бесцельно постояв еще несколько минут, я решительно направилась к ней.

– Добрый день. Вы Галина Павловна?

– Да, это я.

Женщина была невысокого роста, худощавая, очень похожая на Ларису. Как и дочь, она выглядела очень усталой и измученной.

– Что вы хотели мне сказать, Ирина?

Я рассказала Галине Павловне про отдых на турбазе, про Ларисины слезы, про то, что помощь хорошего психолога поможет ей преодолеть свою депрессию. Я ничего не стала говорить про Огнянного, боясь, что она примет меня за ненормальную.

– Я просто не знаю, что и делать, – вздохнула Галина Павловна. – С тех пор, как погиб Артур, Лариса сама не своя. Словно ее душа погибла вместе с ним.

Женщина заплакала, вытащила из сумочки носовой платок, стала неловко вытирать слезы.

– Извините, – пробормотала она.

– Ничего. Я вас понимаю, – тихо сказала я.

– Я поговорю с Ларисой насчет вашего психолога.

– Вот вам мой телефон, – сказала я. – Позвоните, когда о чем-нибудь договоритесь с Ларисой. Только не говорите ей

обо мне.

Прошло несколько дней, а от Галины Павловны не было ни слуху ни духу. Через неделю я не выдержала и позвонила сама. Трубку взяла Лариса.

– Будьте добры, Галину Павловну.

– Ее нет дома, – ответила мне Лариса.

– А когда будет.

– Нескоро. Она в больнице.

– Ох... А что с ней.

– Проблемы с сердцем. Предынфарктное состояние. Ирина Рыбакова, это вы?

– Да, это я.

– Все случилось из-за вас. Когда мама начала мне говорить о психологе, я сразу поняла, что это ваших рук дело. Мы сильно повздорили, и сердце у мамы не выдержало. Почему вы не оставите меня в покое?

Лариса говорила тихим, спокойным голосом, от которого у меня по спине бежали мурашки. Лучше бы она кричала.

– Я просто хочу помочь вам. Вы не хотите ни рассказать мне про Огнянного, ни пойти к психологу.

– Я ничего не хочу. Я не хочу жить без Артура. И не звоните сюда больше.

– Лариса, у вашей мамы есть мой телефон. Если вы захотите жить нормально – позвоните.

– Вряд ли, прощайте.

Лариса повесила трубку. Я ощутила такую пустоту в душе,

такое разочарование, что села на пол и расплакалась.

В августе я устроилась на работу, меня взяли корреспондентом в телерадиокомпанию «Наш край». Мне то и дело приходилось мотаться по области, брать интервью, сочинять репортажи и донимать назойливыми вопросами начальников разного ранга. Ларисе я больше не звонила.

В сентябре я отправилась в очередную командировку на открытие дворца культуры в районном центре. Но вместо одного дня поездки затянулась на три, так как наша редакционная машина сломалась, и ее приводили в чувство целых два дня. По возвращении домой меня ждал неприятный сюрприз.

– Тебе тут какая-то девушка оставила странное сообщение на автоответчике, – сказал мне отец. – Она несколько раз звонила, в тот день, когда ты уехала, но нам с матерью ничего сказать не захотела.

Сообщение было от Ларисы.

– Ирина, – говорил мне тихий, ровный голос Ларисы, – вы были совершенно правы и насчет Огнянного, и насчет гибели. Сейчас уже слишком поздно, уже невозможно что-то изменить и исправить, но я хочу поблагодарить вас за то, что вы пытались мне помочь. Спасибо и прощайте.

Я слушала слова Ларисы и чувствовала, что волосы встают дыбом от этого спокойного голоса. Я быстро обулась, схватила куртку и пулей вылетела из дома. Плохо зная район,

где жила Лариса, я заплутала между старыми двухэтажными развалюхами и новыми многоэтажками. Нумерация домов была совершенно неопишуемой. В конце концов проходящая мимо старушка указала мне нужное направление. Мне бы и в голову не пришло искать дом номер семнадцать между пятым и двадцать третьим. Около нужного мне дома стояло много народу. Недоброе предчувствие охватило меня. Мелькнула мысль, что все это слишком похоже на похороны.

Дверь подъезда открылась, четверо мужчин вынесли гроб, обитый красной тканью, и аккуратно опустили на три стоящие в ряд табуретки. Я подошла поближе, втайне надеясь, что ошибаюсь. В гробу лежала Лариса. Ее белое безжизненное лицо казалось еще более изможденным, чем два месяца назад, когда мы с ней впервые встретились.

На похороны пришло очень много людей. Женщины плакали, у мужчин были непроницаемые лица. Мать Ларисы стояла рядом с гробом. Ее поддерживал пожилой седой мужчина с покрасневшими от слез глазами и молодой парень лет двадцати. Видимо муж и сын. В свободной руке парень держал пакетик с пузырьками и таблетками. Люди стали подходить к гробу, прощаться с Ларисой. Я тоже подошла, поцеловала бумажный ободок со словами молитвы, обхватывающий холодный лоб.

– Прости, – тихо прошептала я, – что не смогла тебе помочь.

Всхлипывания и плач усиливались. Мать Ларисы не дер-

жалась на ногах и почти висела на плече мужа. Неожиданно она закричала рвущим душу голосом и кинулась к гробу.

– Ларочка, доченька, зачем ты оставила меня, мое время умирать было, не твое, кровинка моя, – страшно причитала она, склонившись над дочерью.

Муж и сын пытались отвести Галину Павловну от гроба. Она вдруг тихо охнула и потеряла сознание. Ее отнесли к лавочке, усадили, стали совать в нос ватку с нашатырем. Кто-то предложил вызвать «Скорую». Но Галина Павловна очнулась, положила в рот какие-то таблетки и сидела на лавочке бессильно и беззвучно плача. Муж тоже присел рядом с ней, потянулся за лекарством, держась за левую сторону груди.

– Надо уносить, – сказал мужской голос у меня за спиной, – иначе, не дай Бог, еще покойников прибавится.

К Ларисиным родителям подошли двое мужчин, что-то тихо им сказали. Галина Павловна, ее муж и сын еще раз подошли к гробу, поцеловали Ларису. Потом несколько мужчин легко подняли гроб и понесли к стоявшим в стороне автобусам ритуальной фирмы.

Я еще долго бесцельно и тоскливо бродила по городу. Дойдя до какого-то маленького скверика, присела на скамеечку. Теплый сентябрьский день, яркое солнце, синее безоблачное небо, желтые листья... Все это праздничное осеннее великолепие никак не вязалось с черным горем, накрывшим меня сегодня. Золото на голубом и черная бездна.

Подул легкий ветерок, и листья, лежавшие передо мной

на газоне, вдруг встрепенулись и, закружившись маленьким смерчем, поднялись вверх. Мне послышался тихий, злобный смех, и листья упали на землю. Я поняла, что это Огнянный смеялся надо мной. От горя и бессилия у меня потекли злые слезы.

– Будь ты проклят, черт поганый, – всхлипывая, сказала я.

Проходит время, затухает боль, стираются из памяти события, забываются лица. Но никогда мне не забыть огненного фейерверка в предрассветном небе, полных тоски глаз Ларисы и тихого злобного смеха в вихре осенних листьев.